

КРАСИМИР СТАНЧЕВ
(Roma Tre University, Italy)

Проблема оригинальности древнеславянской гимнографии

The Problem of Old Slavonic Hymnography's Originality

ABSTRACT: Based on the research of the last 15 years, the author proposes the following palette of possibilities for the emergence of new Slavonic liturgical services in the Middle Ages of Slavia Orthodoxa: 1) the writing original texts, i.e. texts created according to the model and the patterns of Byzantine hymnography but in which there are no direct textual borrowings; 2) the translation of services from Greek without interference in the structure and imagery of the addressee; 3) translation — re-elaboration, which can include borrowing from other translated or original services, turning into a compilation; (of course, processing and compilation can occur at a later stage using a translation of the borrowing) /2/ — in this case we are dealing with re-elaboration of the translation; 4) adaptation, which can be: a) the specification of the common service to a particular saint of the same rank; b) turning a particular service into a common one; b) adaptation of a service to one saint for the commemoration of another one (sometimes with elements of re-elaboration) without necessarily coordinating with the type of sanctity of the new addressee. In conclusion, the following definition of the originality of ancient Slavic hymnography is proposed: we can call original hymnographic compositions, created specifically in memory of a specific saint and assigned to it, regardless of whether the composing chants are really the the product of an autonomous creative act or adaptation/actualization of already existing hymns.

KEYWORDS: Old Slavonic church hymnography, originality, authorship

В 2003 году, к Тринадцатому международному съезду славистов, был подготовлен тематический блок под названием «Древнеславянская литургическая поэзия», и вышел сборник докладов под тем же названием¹. Целью инициаторов блока и сборника (К. Станчев, А. Е. Наумов, Г. Попов, М. Йовчева и Г. А. Пожидаева) было сделать достоянием самой широкой славистической общественности результаты больших гимнографических открытий последней четверти XX-го века, которые радикально изменили наши представления о месте литургической поэзии в древнеславянском литературном

¹ La poesia liturgica slava antica / Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Congresso internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15-21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni. A cura di Krassimir Stantchev e Maria Yovcheva. Ed. dell'Associazione Italiana degli Slavisti, Roma-Sofia 2003.

пространстве. В своем докладе я утверждал что, с учетом новых открытий, количество гимнографических произведений старшей поры «сопоставимо только с объемом оригинальных и/или компилятивных ораторских произведений того времени» (Станчев 2003: 13). Сегодня это общепризнанная истина, гимнография заняла свое место в истории литературы и в энциклопедиях (в частности, в российской «Православной энциклопедии»), теперь многие палеославиисты занимаются гимнографией и неожиданности, хотя и не отсутствуют, имеют другой характер. Ныне никого не удивит сообщением о том, что в некоем каноне или цикле стихир имеется акростиховая подпись Климента (Охридского) или Константина (Преславского) — скорее, все еще удивляют открытия, так сказать, с обратным знаком, хотя еще 15 лет назад было ясно, что они тоже необходимы для восстановления реальной картины древнеславянской гимнографии и соотношения «переводное/непереводное» в ней.

В 2002 г., когда подготавливались упомянутые выше тематический блок и сборник, вышла статья выдающегося болгарского ученого И. Добрева, где путем обратного перевода на греческий язык начальных слов тропарей сохранившихся только по-славянски канонов св. Иоанну Рыльскому было показано, что они содержат акростиhi с именем греческого управителя Сердики / Софии в XII веке Георгия Скилицы, который был уже известен как автор жития и службы святому (конечно, по-гречески). Это побудило меня написать следующее:

В свете новых открытий можно утверждать, что обозначение оригинальности гимнографического произведения акростихом — с именем автора или без него — являлось повсеместной практикой (если не правилом) среди учеников Кирилла и Мефодия. Ввиду этого стоит еще раз задуматься над происхождением некоторых служб того же времени, в которых акростиха нет и которые считаются древнеславянскими на основании их славянской тематики и отсутствия греческого оригинала [Станчев 2003: 14]².

И далее, ссылаясь на «открытие с отрицательным знаком» Ивана Добрева, я писал так:

Не исключено, что и древнейшая служба свв. Борису и Глебу тоже была написана сначала по-гречески и что этим можно объяснить выражение «греческий стих» в отношении акростиха, чей текст приводится в заглавии, но в самом каноне его нет³. Эти примеры уводят нас к более позднему времени (XI–XII вв.), но все-таки свидетельствуют о возможности развития богатой славянской текстовой традиции на основании несохранившегося

² Цитируя этот пассаж (более развернуто), В. Б. Крысько [2014: 33] противопоставляет «трезвое и своевременное предостережение К. Станчева» господствующему в славистике мнению «об оригинальном, непереводам характере службы Кириллу».

³ Греческий акростих был восстановлен путем обратного перевода С. Ю. Темчиным [2012a], который, по-моему, с полным основанием, склонен атрибутировать службу Борису и Глебу киевскому митрополиту Иоанну I.

гимнографического текста, изначально написанного по-гречески. Поэтому я и думаю, что стоило бы, по методике Ивана Добрева, проверить некоторые из древнейших (или по меньшей мере считаемых таковыми) произведений славянской гимнографии, в которых нет акростиха: любой результат такой проверки положительно отразился бы на будущих исследованиях [Станчев 2003: 14-15]⁴.

Тогда я не отважился сказать ни слова о каноне в древнейшей службе св. Кириллу, хотя некое сомнение уже у меня таилось⁵. Через два года после Люблянского съезда С. Ю. Темчин во время Боннской конференции по славянской гимнографии продемонстрировал, что путем обратного перевода на греческий в каноне св. Кириллу читается акростих с началом Ω ΦΙΛΟΣΟΦΩ ΜΕΛΠΩ («Философа воспеваю») [Темчин 2007а: 335-336; ср.: Темчин 2007б]. Начиная с того же 2005 года, этому канону и его греческим источникам посвятил серию публикаций В. Б. Крысько; окончательные результаты его исследований были обобщены в его замечательной книге «Старославянский канон Кириллу Философу. Источники и реконструкция» (Москва, 2014 г.). Тем временем Темчин утвердился как самый активный «разоблачитель» оригинальности целого ряда средневековых славяноязычных гимнографических произведений, доказывая их греческое происхождение. Он начал с канона Димитрию Солунскому, традиционно приписываемого св. Мефодию [Темчин 2009], затем проанализировал уже упомянутую древнейшую службу свв. Борису и Глебу [Темчин 2012а], доказывал авторство Иоанна Дамаскина службы патриарху Герману I, которая вслед за М. Ф. Мурьяновым считалась древнеболгарской [Темчин 2012б] и показал способом обратного перевода наличие греческого акростиха в службе Михаилу Воину [Темчин 2013]. Не менее интересны публикации Темчина о Феодосии Хиландарце как авторе греческой службе свв. Симеона и Саввы [Темчин 2012с] или о древнерусском происхождении цикла толковых праздничных канонов [Темчин 2017а]. Но Темчин выявил и наличие более сложных взаимоотношений между гимнографическими текстами: я имею в виду, с одной стороны, его публикации о древнейшей компилятивной восточ-

⁴ К этому моему утверждению отсылает и Крысько [2014: 64], говоря о «плодотворности такого подхода».

⁵ Зародилось это сомнение в 90-е годы, во время работы одной моей дипломницы над итальянским переводом службы, когда по поводу ее Скопского списка мы обсуждали, что если бы не было всеобщего убеждения в славянском происхождении службы, можно было предположить, что этот список отражает другой перевод с греческого, поскольку речь идет о том же самом, но часто иными словами или с иным порядком слов.

нославянской службе Пренесению мощей святителя Николая Мирликийского (см. ниже) и, с другой стороны, его работу об Общей службе преподобным, приписываемой Клименту Охридскому, как переработке переводной службы преп. Георгию Малейну Феофана Начертанного [Темчин 2017б].

Если ко всему этому прибавим и адаптацию службы одному святому к памяти другому, с заменой, по существу, только имени воспеваемого и даже без попытки привести обозначения типологии святости в соответствие с новым адресатом — такой очень красноречивый пример в последнее время выявила М. В. Живова, анализируя и публикуя службу Григорию Великому [Живова 2016] — получается следующая картина источников появления новых славяноязычных служб:

1) сочинение оригинальных текстов, т. е. текстов, созданных по модели и согласно образцам византийской гимнографии, но в которых нет прямых текстуальных заимствований;

2) перевод служб с греческого без вмешательств в структуру и образность адресата (если все реконструкции В. Б. Крысько верны, то к этому типу относится и перевод канона св. Кириллу, который по-гречески был составлен путем компиляции, включающей заимствование, адаптацию (двух тропарей) и парафразирование⁶);

3) перевод-переработка, который может включать и заимствования из других переводных или оригинальных служб, превращаясь в компиляцию; конечно, переработка и компиляция могут возникнуть на некоем следующем этапе с использованием перевода типа (2) — в таком случае мы имеем дело с переработкой перевода;

4) адаптация, которая может представлять собой: а) конкретизацию Общей службы к конкретному святому того же типа; б) превращение конкретной службы в общую; в) адаптацию службы одному святому к памяти другому (иногда с элементами переработки) без обязательного согласования с типом святости нового адресата (см. выше).

Первый случай кажется бесспорным, достаточно быть уверенными в том, что славянский текст был создан в результате творческой работы, а не переведен. В этом смысле мы употребляем формулу «оригинальная (непереводная) служба», имея в виду, что в отношении средневекового текста невозможно говорить об оригинальности в современном смысле слова: хотя, конечно, и в рамках этикетности

⁶ Насчет парафразирования я имею некоторые сомнения в точности употребления термина, но не здесь место это обсуждать.

и каноничности средневекового искусства можно быть рядовым ремесленником, а можно, хотя и редко, быть Феофаном Греком или Андреем Рублевым при создании словесной иконы святого.

Второй случай, перевод службы, не так прост, как может показаться на первый взгляд. Ясно, что большая часть служб в (православном) славянском богослужебном обиходе является переводами с греческого и что там можно и надо рассуждать о переводческом мастерстве, о существовании более чем одного перевода одного текста и т.д. Но факт, что текст был переведен, еще сам по себе не решает вопрос о его культурной принадлежности. Пока оставляю в стороне вопрос о Каноне св. Кириллу: я имею свои сомнения в том, что он был предназначен для грекоязычной церковной общности в Риме, но, чтобы спорить с авторами этой гипотезы и, в частности, с Крысько, надо проделать работу не менее кропотливую, чем та, которую проделал он. Но некоторые более поздние случаи — старшая служба Борису и Глебу, старшие службы Иоанну Рыльскому, служба Михаилу Воину — побуждают задуматься над тем, кому был нужен их греческий текст, предназначался ли он для грекоязычного богослужения, или автор-грек просто создавал текст для своей славянской паствы с идеей, что этот текст будет практически сразу переведен на славянский? Кому в Киеве была нужна служба Борису и Глебу по-гречески? Поскольку митрополит Иоанн был не в состоянии написать ее по-славянски, он написал по-гречески текст, который был переведен, и сохранился только перевод, а не практически уже исполнивший свою роль греческий текст. То же самое, по-моему, случилось и с канонами Иоанну Рыльскому, созданными Григорием Скилицей, а, вероятно, и со службой Михаилу Воину. А вот и ещё один пример, восточнославянский, цитированный А. А. Туриловым:

Ок[оло] 1374 г. в связи с открытием мощей Виленских мучеников [...] некий Димитрий (возможно, Димитрий Хрисолор) написал им службу на гр[еческом] языке (уже соответствующую Иерусалимскому уставу), к[ото]рая была, вероятно, сразу же переведена на слав[янский] и получила широкое распространение в рус[ской] рукописной традиции XV-XVII вв. (см.: Огицкий. (II) 1984) [Турилов 2011].

Если не ошибаюсь, и в этом случае служба не была адресована грекоязычным верующим.

Итак, вопрос, который я ставлю и на который не могу дать однозначного ответа, таков: в случаях, подобных только что упомянутым, где первоначаль-

ный текст безусловно был написан по-гречески, но в традиции сохранился как единственно необходимый только его славянский перевод, следует говорить о произведениях византийской гимнографии или об особом способе коллективного создания славянских гимнографических текстов, где один пишет по-гречески, а другой/другие сразу переводят на славянский? Конечно, эта гипотеза приложима только к случаям, когда текст очевидно не связан с грекоязычным культом святого.

Теперь следовало бы вкратце остановиться только на одном, для меня не во всем ясном случае переработки, который, как уже упоминалось выше, двадцать лет тому назад я был склонен рассматривать как результат возможного другого перевода того же текста (если бы не было еще почти повсеместного убеждения, что это текст оригинальный, славянский). Однако в свете самых новых исследований и прежде всего в свете реконструкции гипотетического греческого оригинала Канона св. Кириллу я думаю, что этот текст все-таки надо отнести к другой категории: переработка (включающая и перифразирование) уже переведенного текста. Речь идет о списке Службы св. Кириллу в среднеболгарской Скопской минее XIII в., опубликованном К. Ф. Радченко, а затем Й. Ивановым [Иванов 1931: 290-295]. В этом списке службы очень четко выделяется элемент переработки, сделанной в унисон с патриотическими тенденциями в болгарской литературе XIII века [см. Станчев 1987]: Кирилл послан Богом учить темные западные народы «*книгами рамно българскими*» (песнь I, тропарь 2), книги названы болгарскими также в I.3 и в седальне, в то время как в VIII.3 они становятся славянскими (в реконструкции Крысько нету никакого прилагательного к «*книгами*», см.: Крысько 2014: 474, 480). С другой стороны, согласно икосу, Кирилл прошел, как молния, всю вселенную, «*сѣверскѣ и рѣшскѣ и западнѣ зема*» и, вдобавок, все это он сделал вместе с Мефодием, который упоминается два раза в сильно переработанном тропаре III.2. Кроме этих очевидных добавок и кроме нормальных, ожидаемых разночтений или очевидно ошибочных прочтений (напр. IV.2: *яко забрало понесль еси* вм. *яко замбриж пронъзе*; VIII.3: *зема* Питинска вм. *Паноньска*), некоторые тропари в этом списке действительно могут навести на мысль, что речь идет о другом переводе того же текста. С другой стороны, с орфографической точки зрения в списке имеются следы, обычно относимые к признакам транслитерации с глаголического текста: напр., начальный *ѣ* в I.2, VI.2 (два раза), VIII.2 и IX.3, которые сосуществуют рядом с патриотическими инновациями (см. I.2), что говорит скорее всего об использовании книжником-переработчиком XIII века древнеболгарского глаголического оригинала. Если так, то упомянутое впечатление «другого перевода» очевидно следует приписать феномену перифразирования (в классическом смысле слова: «передача той же мысли другими словами и на том же языке», и, конечно, не смешивая с парафразированием), которое местами, кажется, переплетается с контаминированием (хотя я пока

не в состоянии указать, контаминирование с чем, а поскольку местонахождение рукописи теперь неизвестно, не могу проверить, кто контаминировал: составитель или издатель⁷).

Этот пример, в сущности, подводит нас к третьему возможному источнику происхождения славяноязычных служб святым: перевод-переработка или переработка уже переведенной службы. В этом случае текст может включать и заимствования из других переводных или оригинальных служб, а переработка становится компиляцией (выше я говорил о контаминации, имея в виду эвентуальные заимствования из другого гимнографического текста, посвященного свв. Кириллу и Мефодию). Красноречивый пример такого типа переработки-компиляции, основанной на переводной службе, с привлечением материала из двух других, одна из которых также переводная, а другая — оригинальная, привел С. Ю. Темчин, анализируя древнейшую восточнославянскую службу Пренесению мощей святителя Николая Мирликийского. В ее тексте, основанном на переработке переводной службы Пренесению мощей апостола Варфоломея [Темчин 2014], а, точнее, в каноне Темчин выявил заимствования из переводного канона Афанасию Александрийскому Феофана Начертанного и из службы Климента Охридского Аполлинарию Равеннскому [Темчин 2016]. Будущие исследования (а возможно и уже существующие, которые ускользнули от моего внимания), вероятно, раскроют немало подобных случаев, и это совершенно нормально: переработка и/или компиляция были одним из наиболее часто практикуемых способов создания новых текстов в пределах Православного славянства. Можно, конечно, спорить о границах приложимости понятий «творчество» и «оригинальность» к таким текстам, но невозможно отрицать, что они создавались именно потому, что такие тексты, будь то славянские или греческие, которые можно было бы перевести, до этого не существовали. И в этом смысле тексты, которые я имею в виду, являются оригинальными, будучи новыми. Не зря в свое время Р. Пиккио ставил вопрос о компиляции и композиции как двух уровней авторства в православнославянской традиции [Picchio 1981].

Теперь я хотел бы перейти к последней из перечисленных возможностей появления новых славяноязычных служб — к адаптации. В случае нормальной конкретизации общей службы с заменой «имя рекъ» именем конкретного святого соответствующего типа (4.а) как бы не о чем говорить: если нет других изменений, ее в текстологическом отношении следовало бы отнести к спискам общей службы и всё. Но проблема не так проста (и касается не только

---

⁷ Поскольку издатель не приводит текст службы св. Авксентию (память которого отмечается в тот же день и, в принципе, на первом месте), остается неясным, напр., в самой рукописи или только в издании в качестве ирмоса I песни Канона Кириллу помещен ирмос I песни канона Авксентию (*Морѣ чрьмна* — Иванов 1931: 291) вместо собственного ирмоса первой песни Кириллова канона (*Отвьръж оуста моя* — Крысько 2014: 473, ср. и Иванов 1931: 297, текст службы по Драгановой минее).

общих служб, но и общих поучительных слов, напр., Климента Охридского): цикл общих служб существует, как в восточной, так и в западной традиции (*Commune sanctorum*), именно, чтоб при необходимости более торжественного почитания святого, у которого нет собственной службы, петь общую, ставя конкретное имя на месте формулы «*имя рекъ*». При наличии текста общей службы нет никакой необходимости специально записывать такую конкретизацию, а если она всё-таки внесена в mineю под датой чествования святого, то это уже надо рассматривать как некоторый акт творческого вмешательства, хотя и не на уровне отдельного текста, а на уровне структуры самой богослужебной книги (в частности Mineи). В настоящий момент я затрудняюсь указать конкретный пример такого типа, следовало бы его поискать. Но нам известны примеры обратной процедуры: превращение конкретной службы в общую (4.б). В свое время Г. Попов писал о возможности такой процедуры, имея в виду службу Иоакиму Осоговскому (Сарандапорскому), составленную путем заимствования из Канона Евтимию Великому Климента Охридского, но не прямо, а из некоей его формы, объединенной с каноном тому же святому Феофана Начертанного и превратившейся в общую службу⁸. В этом году Темчин, изучая общую службу преподобным, приписываемую Клименту Охридскому, пришёл к убедительному выводу, что она «в действительности ему [Клименту] не принадлежит, поскольку является вторичной переработкой одного из двух церковнославянских переводов греческой mineиной службы преподобному Георгию Малеину, составленной Феофаном Начертанным» [Темчин 2017б]. Что касается всего цикла Общих служб, приписываемого Клименту, Темчин пишет так:

Из шести служб данного цикла Клименту Охридскому заведомо принадлежит лишь одна — святителям, содержащая его именной акростих. Для остальных служб этого цикла не исключен подражательный характер (и, следовательно, иное авторство) [Темчин 2017: 54].

Ожидаю с любопытством дальнейших исследований цикла, потому что интересно знать, не окажутся ли и тексты других служб результатом функционального приспособления конкретных служб (в данном случае не имеет значения, переводных или оригинальных) в качестве общих.

Существует достаточное количество примеров третьей разновидности адаптации (4.в): когда конкретная служба одному святому переадресовывается другому, не обязательно с учетом типологии святости одного и другого. Очень любопытный пример такой адаптации Службы священномученику Ипатию, епископу Гангрскому, к памяти святителю Григорию «папе римскому» (который в заглавии и в последних песнях все-таки стал

⁸ Сам Попов подчеркивает, что это есть «само едно предположение» [Станчев/Попов 1988: 129].

священномучеником!), привела в своей недавно вышедшей публикации Живова (2016). В той же самой Мартовской служебной минее ТСЛ 541 Живова нашла и другие очень интересные примеры адаптации, также с некоторыми элементами переработки: исследование (и, éventуально, издание) этой рукописи 30-х годов XVI-го века обещает предоставить нам новый богатый материал для дальнейших наблюдений и рассуждений о формах авторства или, шире, творческого отношения средневекового православно-славянского книжника к гимнографическому материалу, в частности, в период позднего Средневековья и во время перехода к Новому времени. На мой взгляд, такие исследования крайне необходимы, поскольку до сих пор, за редкими исключениями, внимание исследователей сосредоточивалось на текстах древнейшего периода и, отчасти, на периоде деятельности Евфимиевой школы и Второго южнославянского влияния (середина XIV — середина XV вв.). А то, что создавалось в области гимнографии между серединой XV и серединой XVI века, до Макариевских канонизаций, все еще изучено мало. Некоторое внимание до сих пор уделялось Минеям новым (русским) чудотворцам, которые, как полагают, начали формироваться в третьей четверти 15-го века [ср.: Турилов 2011]. Но, как показывает случай со службой Григорию Двоеслову, новшества касались не только русских (и, шире, славянских) святых.

* * *

Заканчивая эти рассуждения, хочу возвратиться к часто встречаемому в последнее время определению «оригинальная (непереводная) служба» и снова привести слова С. Ю. Темчина, который в конце своей статьи «Гимн Климента Охридского св. Аполлинарию Равеннскому в древнерусском акростишном каноне перенесению мощей святителя Николая Мирликийского» пишет так:

По всей видимости, этот тропарь является древнейшим примером использования оригинального текста южнославянского (древнеболгарского) автора в непереводной древнерусской гимнографии [Темчин 2016: 14].

Очевидно, определения «оригинальная» и «непереводная» далеко не всегда являются синонимами по отношению к православно-славянской гимнографии старого времени. С одной стороны, оригинальное, ранее не существовавшее как текст, может оказаться переводным, хотя и сохранившимся только по-славянски. С другой стороны, непереводное далеко не всегда является оригинальным: путем адаптации, переработки и компиляции (нередко всего этого одновременно) создавались гимнографические композиции, которые в таком виде и с таким адресатом ранее не существовали.

В своей недавней статье В. И. Легких писала так:

Я называю «оригинальными» песнопения, созданные специально для определенной службы и закрепленные за ней вне зависимости от того, являются ли они действительно самостоятельным творчеством или «актуализацией» уже существующих песнопений [Легких 2016: 66, прим. 1].

Если в начале этого утверждения заменить слово «песнопения» словосочетанием «гимнографическая композиция» (имея в виду канон или всю службу), я вполне согласился бы с такой постановкой вопроса, поскольку она очень точно формулирует сущность творческого процесса в сфере гимнографии. Поэтому позволю себе предложить некоторое перефразирование этого определения: *можно называть оригинальными гимнографические композиции, созданные специально для определенной памяти и закрепленные за ней вне зависимости от того, являются ли составляющие их песнопения действительно самостоятельным творчеством или адаптацией/актуализацией уже существующих песнопений.*

Все сказанное, на мой взгляд, означает только одно: надо продолжить исследования, расширяя их охват и углубляя их в уже намеченных направлениях. Только тогда, в результате активной работы новых поколений исследователей станет возможным очертить намного более полную картину славяноязычной гимнографии средневековья и раннего нового времени, ставя по новому проблему ее оригинальности.

Сокращения

- ПЭ 11 (2011) — Pravoslavnaâ ènciklopediâ. Pod redakciej Patriarha Moskovskogo i vseâ Rusi Kirilla, t. 11, s. 489-513: Gimnografiâ. Izd. on-line. [Православная Энциклопедия. Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, т. 11, с. 489-513: Гимнография. Изд. on-line: <http://www.pravenc.ru/text/165013.html>] [26. 08. 2017].
- ТСЛ — Troice-Sergieva lavra [Троице-Сергиева лавра]

Литература

- DOBREV, I. (2002), Kanonite za sv. Ivan Rilski ot Georgi Skilica, [v:] Palaeobulgarica/Starobŭlgaristika, XXVI, 3, s. 3. [ДОБРЕВ, И. (2002), Каноните за св. Иван Рилски от Георги Скилица, [v:] Palaeobulgarica/Старобългаристика, XXVI, 3, с. 3-12]
- IVANOV, J. (1931), Вŭlgarski starini iz Makedoniâ, Sofiâ (reprint: Sofiâ 1970). [ИВАНОВ, Й. (1931), Български старини из Македония, София (репринт: София 1970)]
- KRYS'KO, V. B. (2014), Staroslavânskij kanon Kirillu Filozofu. Istočniki i rekonstrukciâ, Moskva. [КРЫСЬКО, В. Б. (2014), Старославянский канон Кириллу Философу. Источники и реконструкция, Москва]
- LEGIKIN, V. I. (2016), Osobennosti formirovaniâ dvuh služb odnomu svâtomu na primere služb na Prestavlenie i Perenesenie mošej svt. Nikolaâ Mirlikijskogo i služb svv. strastoterpcom Borisu i Glebu, [v:] Slovo, 66, s. 65-107. [ЛЕГКИХ, В. И. (2016), Особенности формирования двух служб одному святому на примере служб на

- Преставление и Перенесение мощей свт. Николая Мирликийского и служб свв. страстотерпцем Борису и Глебу, [в:] Slovo, 66, с. 65-107]
- МОШКОВА, Л. В. / TURILOV A. A. (2011), Drevnejšaâ original'naâ slavânskaâ G[imnografiâ], [v:] Pravoslavnaâ ênciklopediâ, t. 11, s. 489-513. [МОШКОВА, Л. В. / ТУРИЛОВ А. А. (2011), Древнейшая оригинальная славянская Г[имнография], [в:] ПЭ 11]
- PICCIO, R. (1981), Compilation and Composition: Two Levels of Authorship in the Orthodox Slavic Tradition, [в:] Cyrillomethodianum, V, 1981, с. 1-4.
- STANĀEV, K. (1987), Literaturniât proces v B'lgariâ ot kraâ na XII do vtorata četv'rt na XIV v. [v:]: Vtori meždunaroden kongres po b'lgaristika. Dokladi. 11: Stara b'lgarska literatura. Literatura na b'lgarskoto V'zraždane, Sofiâ, s. 5-13. [СТАНЧЕВ, К. (1987), Литературният процес в България от края на XII до втората четвърт на XIV в. [в:]: Втори международен конгрес по българистика. Доклади. 11: Стара българска литература. Литература на българското Възраждане, София, с. 5-13 (перепечатано с допълняющим текстом в: Станчев К. (2012), Исследования в области средневековой литературы православного славянства, Kraków 2012 [= Krakowsko-WileŃskie studia slawistyczne, tom 7, с. 167-178].
- STANĀEV, K. (2003), Liturgiĉeskaâ poeziâ v drevneslavânskom literaturnom prostranstve (Istoriâ voprosa i nekotorye problemy izuĉeniâ), [v:] La poesia liturgica slava antica / Drevneslavânskaâ liturgiĉeskaâ poeziâ. XIII Congresso internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15-21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni. A cura di Krassimir Stantchev e Maria Yovcheva. Ed. dell'Associazione Italiana degli Slavisti, Roma-Sofia, s. 5-22. [СТАНЧЕВ, К. (2003), Литургическая поэзия в древнеславянском литературном пространстве (История вопроса и некоторые проблемы изучения), [в:] La poesia liturgica slava antica / Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Congresso internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15-21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni. A cura di Krassimir Stantchev e Maria Yovcheva. Ed. dell'Associazione Italiana degli Slavisti, Roma-Sofia, с. 5-22].
- STANĀEV, K. / POPOV, G. (1988), Kliment Oхridski — život i tvorĉestvo, Sofiâ. [СТАНЧЕВ, К. / ПОПОВ, Г. (1988), Климент Охридски — живот и творчество, София].
- TEMĀIN, S. Ū. (2007a), O greĉeskom proishoždenu drevnejšej sluŹby Kirillu Filozofu, [ТЕМЧИН, С. Ю. (2007a), О греческом происхождении древнейшей службы Кириллу Философу, [в:] Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung, Bonn, 7. — 10. Juni 2005, hrsg. von Hans Rothe und Dagmar Christians (= Abhandlungen der Nordrhein-westfälischen Akademie der Wissenschaften Bd. 117, Patristica Slavica Bd. 15), Paderborn-München-Wien-Zürich, с. 328-339.
- TEMĀIN, S. Ū. (2007b), O perevodnom haraktere drevnejšej sluŹby Kirillu Filozofu: «âko izbran'na strela emmena v" toule» [ТЕМЧИН, С. Ю. (2007б), О переводном характере древнейшей службы Кириллу Философу: «яко избранна стрела еммена въ тоуле»], [в:] DARЪ SLOVESЪNY. Festschrift für Christoph Koch zum 65. Geburtstag. Hrgg. von W. Hock und M. Meier-Brügger, München, с. 289-295.
- TEMĀIN, S. Ū. (2009), O greĉeskom proishoždenu slavânskogo kanona sv. Dimitriû Solunskomu, [v:] Starob'lgarska literatura, 41-42. Ūbileen sbornik v ĉestna 60-godiŹninata na Krasimir Stanĉev i Aleksand'r Naumov, s. 46-52 [ТЕМЧИН, С. Ю. (2009), О греческом происхождении славянского канона св. Димитрию Солунскому, [в:] Старобългарска литература, 41-42. Юбилеен сборник в чест на 60-годишнината на Красимир Станчев и Александър Наумов, с. 46-52].
- TEMĀIN, S. Ū. (2012a), SluŹba Borisu i Glebu kievskogo mitropolita Ioanna: rekonstrukciâ greĉeskogo akrostiha v kanone i datirovka, [v:] Vostoĉnaâ Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Migracii, rasselenie, vojna kak faktory politogeneza. XXIV Āteniâ

- памâти člena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'eviĉa Pašuto, Moskva, s. 246-252. [Темчин, С. Ю. (2012а), Служба Борису и Глебу киевского митрополита Иоанна: реконструкция греческого акростиха в каноне и датировка. [в:] Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, с. 246-252].
- ТЕМЧИН, S. Ū. (2012b), Ioann Damaskin kak veroâtnyj avtor drevnebolgarskoj služby konstantinopol'skomu patriarhu Germanu I [Темчин, С. Ю. (2012б), Иоанн Дамаскин как вероятный автор древнеболгарской службы константинопольскому патриарху Герману I], [w:] Rocznik Teologiczny, LIV, Zeszyt 1-2, s. 153-165.
- ТЕМЧИН, S. Ū. (2012v), Serbskij pisatel' Feodosij Hilandarec kak greĉeskij gimnograf [Темчин, С. Ю. (2012в), Сербский писатель Феодосий Хиландарец как греческий гимнограф], [in:] Multa et varia. Studi offeriti a Maria Marcella Ferraccioli e Gianfranco Girauda, a cura di F. C. Ciure, V. Nosilia, A. Pavan (= *Chaos kai Kosmos*. Incontri e scontri di civiltà, 1), Milano, vol. II, s. 597-604.
- ТЕМЧИН, S. Ū. (2013), O greĉeskom proishozhdenii slavânskoj služby Mihailu Voinu iz Potuki, [v:] Starob'lgarska literatura, 47, 2013, s. 211-221. [Темчин, С. Ю. (2013), О греческом происхождении славянской службы Михаилу Воину из Потуки, [в:] Старобългарска литература, 47, 2013, с. 211-221].
- ТЕМЧИН, S. Ū. (2014), Drevnejšaâ vostoĉnoslavânskaâ služba Pereneseniû mošej svâtitelâ Nikolaâ Mirlikijskogo (9 maâ) kak pererabotka perevodnoj služby Pereneseniû mošej apostola Varfolomeâ (24 avgusta), [v:] Slavistica Vlnensis, 59, s. 17-29. [Темчин, С. Ю. (2014), Древнейшая восточнославянская служба Перенесению мощей святителя Николая Мирликийского (9 мая) как переработка переводной службы Перенесению мощей апостола Варфоломея (24 августа), [в:] Slavistica Vlnensis, 59, с. 17-29].
- ТЕМЧИН, S. Ū. (2016), Gimn Klimenta Ohridskogo sv. Apollinariû Ravenskomu v drevnerusskom akrostišnom kanone Pereneseniû mošej Svâtitelâ Nikolaâ Mirlikijskogo, [v:] ΚΑΛΟΦΩΝΙΑ. Naukovij zbirnik zistorii cerkovnoï monodii ta gimnografii, Ćislo 8, s. 9-14. [Темчин, С. Ю. (2016), Гимн Климента Охридского св. Аполлинарию Равеннскому в древнерусском акростишном каноне Перенесению мощей святителя Николая Мирликийского, [в:] Καλοφωνια. Науковий збірник з історії церковної монодії та гимнографії, Число 8, с. 9-14].
- ТЕМЧИН, S. Ū. (2017a), Tolkovye prazdniĉnye kanony — neučtennoe drevnerusskoe proizvedenie domongol'skogo perioda, [v:] Vostoĉnaâ Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Antiĉnye i srednevekovye obšnosti. XXIX Ćteniâ pamâti člena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'eviĉa Pašuto, Moskva, s. 223-228. [Темчин, С. Ю. (2017а), Толковые праздничные каноны — неучтенное древнерусское произведение домонгольского периода, [в:] Восточная Европа в древности и средневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, с. 223-228].
- ТЕМЧИН, S. Ū. (2017в), Obšaâ služba prepodobnym, pripisyvaemaâ Klimentu Ohridskomu, kak pererabotka perevodnoj služby prep. Georgiû Maleinu (4 aprilâ) Feofana Naĉertannogo [Темчин С. Ю. (2017б), Общая служба преподобным, приписываемая Клименту Охридскому, как переработка переводной службы преп. Георгию Малейну (4 апреля) Феофана Начертанного], [in:] P. Žeňuch, S. Nikolova (eds.), Kliment Ochridský a jeho prínos pre slovanskú a európsku kultúru, Bratislava-Sofia, s. 53-62.
- TURILOV, A. A. (2011), G[imnografiâ] Ruskoj cerkvi, [v:] Pravoslavnaâ ênciklopediâ 11 [Турилов, А. А. (2011), Г[имнография] Русской Церкви, [в:] ПЭ 11].

- ŽIVOVÁ, M. V. (2016), Služba Grigoriû Velikomu v Martovskoj služebnoj Minee TSL 541 (XVI v.): osobuj slučaj gimnografičeskoj adaptacii, [v:] Drevnââ Rus'. *Voprosy medievistiki*, 66, s. 85-102. [ЖИВОВА, М. В. (2016), Служба Григорию Великому в Мартовской служебной минее ТСЛ 541 (XVI в.): особый случай гимнографической адаптации, [в:] Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 66, с. 85-102].